

ЛЕГЕНДАРНЫЕ
Г Е Р О И

ВЛАДИМИР
БОГОМОЛОВ
Б-73

ТАЙНА КОМ- ДИВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МАЛЫШ»

Для старшего дошкольного и младшего школьного возраста

Владимир Максимович Богомолов

ТАЙНА КОМДИВА

Художник Г. Позин

Редактор О. Лебедева. Художественный редактор Ю. Поливанов. Технический редактор Т. Щептева. Корректоры Н. Пьянкова, С. Бланкштейн. Сдано в производство 26/V-70 г. Подписано в печать 9/II-71 г. Бумага офсетная № 1. Формат 84×108/16. Печ. л. 2,5. Усл. печ. л. 4,2. Уч.-изд. л. 4,71. Тираж 100 000. Изд. № 321. Заказ № 666. Издательство «Малыш» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва А-55, Бутырский вал, 68. Калининский полиграфкомбинат детской литературы Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

ХУДОЖНИК Г. ПОЗИН

ВЛАДИМИР
БОГОМОЛОВ

ТАЙНА КОМДИВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» 1971

ПЕРВОЕ СЛОВО

В окна хуторской школы светило октябрьское солнце. Шёл урок. Ребята слушали рассказ учительницы. Изредка они поглядывали в раскрытое окно на улицу: там то всадник проедет, то повозка проскрипит, то прохожие пройдут и громко засмеются.

Мария Алексеевна подошла к окну, хотела прикрыть его, да остановилась. Ребята повернулись к окну.

Мимо школы на гнедом жеребце неторопливо проезжал всадник. Был он в белой папахе, в красном френче и малиновых галифе. Всадник увидел учительницу, ребят и радостно заулыбался. Он подъехал к самому окну, заглянул в класс и заговорил неторопливо, подбирая слова:

— Я не буду мешать. Я буду тихо стоять. Можно?

— Можно!.. Можно!.. — закричали ребята.

— Заходите в класс, — пригласила Мария Алексеевна, — расскажите о делах на фронте.

Всадник смутился, хотел что-то сказать, но в это время зазвенел звонок и ребята, собрав книжки и тетрадки, выбежали на улицу.

Когда Мария Алексеевна вышла из школы, она увидела, что незнакомый кавалерист уже сошёл с коня и стоит в окружении ребят.

Ребята с восхищением и завистью разглядывали обмундирование всадника. Трогали руками его бинокль, пашку, жёлтые ремни портупей.

Когда Мария Алексеевна подошла к ним, кавалерист стал извиняться, что помешал закончить урок. Потом он присел на верхнюю ступеньку крыльца, обнял двух вихрастых казачат.

— Я немножко расскажу, только вы сидите тихо, юнаки.

Ребята дружно загалдели:

— Мы не юнаки! Мы — казаки. А вы кто?

— Я серб.

— А кто такие сербы? Где они живут?

Красный командир грустно улыбнулся и поглядел в сторону реки — там за прибрежными холмами в лучах утреннего солнца сиял лес...

— Далеко-далеко за вашим... Доном течёт река Дунай. А за Дунаем — большое море, Адриатическое. Между морем и рекой, в горах и на равнинах, лежит маленькая страна Сербия. Там я родился.

Красный командир стал рассказывать ребятам о том, как он учился в школе, работал на табачной фабрике, как воевал в первую мировую войну и попал в плен к австриякам и как убежал из плена в Россию.

— Здесь я в отряде со своими друзьями — сербами, чехами, мадьярами, и мы вместе с бойцами Красной Армии дерёмся против белых, за Советскую власть... А в Сербии король и помещики. Но скоро мы их прогоним. И всем сербам будет хорошая жизнь.

Ребята слушали, открыв рты.

Никто не шелохнулся.

Рассказчик достал из кармана золотые часы.

Открыл крышку.

Раздался серебряный звон.

— Ну, мне пора в штаб, — сказал кавалерист, взглянув на стрелки часов.

— Можно, мы вас проводим? — попросили ребята. — Как вас зовут?

— Дундичем. Олеко Дундич.

По улице шли шумно. Впереди Дундич и Мария Алексеевна, а за ними ребята. Довольные и гордые, они вели на поводу командирского коня.

Возле дома учительницы, где разместился штаб полка, Дундич попрощался с ребятами и повёл коня к стойлу.

На следующий день, утром, Дундич вместе с ребятами вошёл в класс, сел за последнюю парту, положил тоненькую тетрадь, а рядом — букварь, который подарила ему Мария Алексеевна. На шутки малышей Дундич отвечал безобидной улыбкой. Особенным задирам озорно грозил пальцем и подмигивал.

Когда учительница вошла в класс, дети сказали, что у них новенький, и со смехом показали на Дундича.

Учительница улыбнулась и сказала, что она договорилась в штабе полка по вечерам учить всех неграмотных красноармейцев русскому языку. А если товарищ Дундич пришёл с утра, то пусть сидит.

Мария Алексеевна начала урок.

— Ребята! В прошлом году в октябре месяце в Петрограде произошла революция. Восставшие рабочие, крестьяне и солдаты захватили царский Зимний дворец. Арестовали министров-буржуев. И на своём съезде-собрании провозгласили по всей стране власть рабочих и крестьян. А утром с радиостанции крейсера «Аврора» были переданы для всей России новые декреты Советов о мире, о земле и о хлебе. Подписал эти законы-декреты Председатель Совета Народных Комиссаров Владимир Ильич Ульянов (Ленин).

Учительница посмотрела на притихших ребят и попросила написать на доске — Ленин.

Ребята зашумели, задвигались и потянули руки.

Поднял руку и Дундич.

Подбадриваемый их взглядами, он подошёл к классной доске, осторожно взял мел и написал по-русски — ЛЕНИН.

Мария Алексеевна одобрительно кивнула головой.

Довольный Дундич сел на своё место.

Учительница продолжала урок.

Она рассказала ребятам, как трудно сейчас приходится государству рабочих и крестьян.

— Буржуи, капиталисты и помещики не желают отдать своих владений, своих

ЛЕНИНЪ

богатств народу. Они обратились за помощью к богачам других стран. И те послали свои войска, чтобы задушить молодую Советскую республику.

Но Ленин и большевики призвали всех рабочих и крестьян встать на защиту своего государства. И была создана Красная Армия. Её бойцы борются сейчас с врагами насмерть и обязательно их победят, потому что защищают свою свободу, свои права на счастливую жизнь.

Среди бойцов Красной Армии много добровольцев рабочих и крестьян из других стран; сербы и венгры, поляки и латыши, хорваты и чехи отважно сражаются с белогвардейцами и войсками Антанты за нашу Революцию.

Вот и наш друг Олеко Дундич, храбрый красный командир, не жалеет своей жизни, чтобы все вы, ребята, могли учиться, чтобы вы выросли и стали хозяевами своей страны...

Прозвенел звонок.

Но ребята не выходили из класса.

Они столпились около Дундича.

Олеко пытался пробиться среди шумящих ребят, но их интересовали всё новые и новые подробности из его биографии, и они не хотели отпускать Дундича.

Тогда Дундич достал часы, открыл крышку.
И серебряный звон колокольчиков заставил ребят утихнуть.
— Ну, други, мне пора!

* * *

Вскоре полк, в котором Олеко Дундич командовал отрядом разведчиков, получил приказ выступить на боевые позиции.

Красный командир-кавалерист, простившись со своими юными друзьями, ушёл воевать в рядах Красной Армии за молодую Советскую республику, за дело Ленина.

Много удивительных подвигов совершил бесстрашный разведчик Первой конной Армии — Олеко Дундич.

На Дону и в Сальских степях живёт немало конников-будёновцев. Они бережно хранят в памяти эпизоды из жизни этого легендарного героя гражданской войны.

О некоторых из этих эпизодов вы прочтёте в этой книжке.

В одном хуторе белые устроили засаду.

В неё попала разведка красных.

Об этом узнал Дундич и поскакал с отрядом на выручку товарищей. Красноармейцы, попавшие в засаду, уже не надеялись вырваться из окружения.

Но вдруг услышали громкое: «Даёшь!»

Дундич с бойцами ворвался в самую гущу беляков.

По красному френчу и малиновым галифе белые сразу узнали Дундича.

Они решили взять командира в плен.

Несколько всадников начали оттеснять его от остальных бойцов.

Дундич заметил это и понял, что задумали белые.

Он решил воспользоваться хитростью врага и стал увлекать всадников за собой, давая возможность своим бойцам вырваться из засады. Дундич был уверен, что быстроногий дончак вынесет его из любой беды.

Дундич так увлёкся, что не заметил, как красноармейцы начали выбираться из хутора в степь. Только услышав крики: «Дундич, сюда! Дундич, к нам!» — он понял, что отряд вырвался из засады.

Командир дал шпоры коню и вихрем помчался догонять своих.

Белые наперерез за ним, но дончак, набирая скорость, всё дальше

В ЗАСАДЕ

и дальше уносил своего всадника. Очень скоро белоказаки убедились, что гнедого им не догнать.

— Стреляйте! В лошадей! — приказал офицер.

За спиной Дундича захлопали выстрелы.

Олеко распластался на коне: собою он хотел прикрыть верного друга.

Совсем немного оставалось до спасительной балки. Но перед самой балкой дончак вдруг упал на передние ноги.

Дундич перелетел через коня.

Что-то звякнуло.

Дундич быстро поднялся — в руке обломок сабли. Он с досадой швырнул его в бурьян и подскочил к коню, стал тормозить его.

Дончак пытался встать, но не мог. Пуля попала в переднюю ногу.

Оставшись без оружия, без лошади, Дундич быстро оценил обстановку: из хутора к балке мчались белые, со стороны степи — свои...

Белоказаки были всё ближе и ближе. Вдруг раздались выстрелы. Один за другим. Стреляя из винтовок, красноармейцы спешили на выручку своего командира.

Из-за балки выкатилась лавина конников. Они неслись на помощь отряду Дундича.

Белоказаки повернули обратно.

САБЛЯ ГЕРОЯ

Пока лечили раненую лошадь, Дундич воевал на новом коне.

Рыжий с белой полосой на лбу рысак не уступал дончаку ни в красоте, ни в беге.

А вот доброй сабли у командира не было.

— Ничего, товарищ Дундич, скоро я тебе добрую саблю подарю, — сказал однажды командир дивизии Будённый. — Её сейчас в Москве для тебя готовят.

Дундич верил комдиву и терпеливо ждал подарка из столицы. И через несколько недель получил его.

А случилось это так.

Лунной майской ночью красная конница сбила передовые части белоказаков и ворвалась в расположение врага. Это было так неожиданно для белых, что они побросали не только оружие, но даже мундиры, и, не оказывая никакого сопротивления, убегали кто в чём успел.

На одной улице Дундич с несколькими красноармейцами догнал артиллеристов. Они старались увезти пушки к лесу, прикрывая отход белоказаков редкой перестрелкой.

— Стойте! — крикнул им Дундич и выстрелил в воздух.

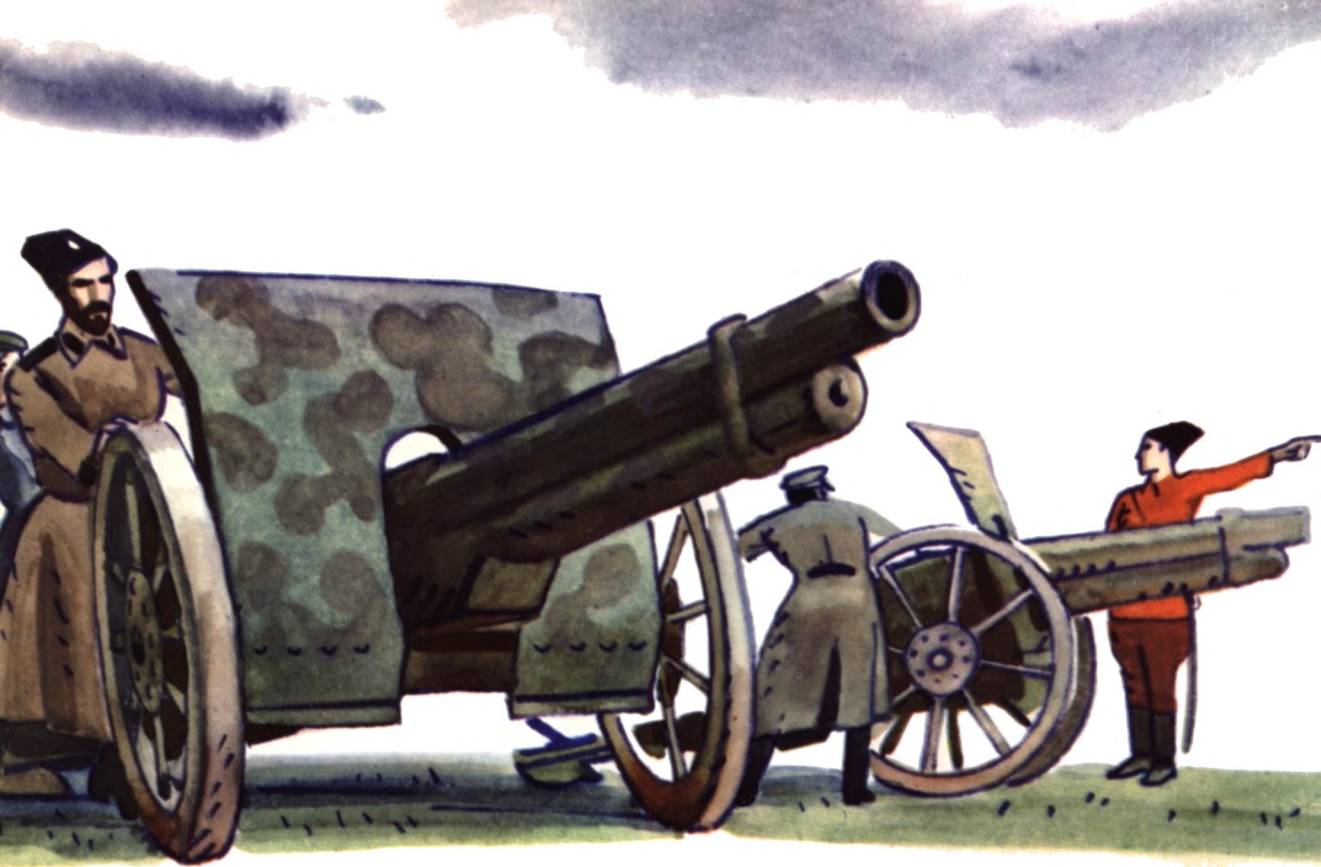
Прислуга батареи остановилась.

Но бородатый офицер начал хлестать артиллеристов нагайкой и кричать:

— Уходить! Уходить!

Дундич ловко вскинул шашку и направил коня прямо на офицера.

Не успел тот замахнуться, как вывалился из седла.

Дундич повернулся к солдатам и приказал сдать оружие.

Только они выполнили его приказ, подъезжает Будённый и спрашивает:

— Пушки-то исправные?

— Не знаю, — отвечает Дундич.

— Кто знаком с пушками? — спросил Семён Михайлович своих бойцов.

Оказалось — никто.

— А вот они, — показал Дундич на пленных.

— Сможешь заставить их бить по своим?

— Смогу.

— Ну, действуй. А после зайдёшь в штаб.

Дундич начал стыдить солдат, что воюют они за буржуев. Солдаты стали оправдываться:

— Мы не добровольцы, нас мобилизовали...

— А раз так, — приказывает им Дундич, — разверните пушки да вдогонку кадетам дайте хорошенько...

Артиллеристы обрадовались, что живы остались, развернули батарею и ударили в след убегающим белякам.

Так в дивизии Будённого появилась батарея.

После боя Дундич пришёл в штаб. А там уже сидят несколько бойцов и командиров. Среди них Семён Михайлович Будённый. Все говорят о минувшем сражении и о том, как Дундич заставил беляков бить из пушек по белякам...

Будённый смотрит на Дундича, и, хитро щуря тёмные глаза, расправляет пушистые длинные усы.

Когда собрались все, Семён Михайлович встал и торжественно сказал:

— Сегодня наша молодая Советская республика награждает своих лучших бойцов.

Он взял в руки саблю, подошёл к Дундичу и сказал:

— За твою верность Красной Армии и за твою храбрость наш ВЦИК дарит тебе эту саблю. Держи, герой!

Будённый обнял и поцеловал смущённого Дундича.

На рассвете дивизия Будённого ворвалась в столицу Велико-княжескую.

ТАЙНА КОМДИВА

Дундич и его ординарец Иван Шпитальный подъехали к водокачке. В сером тумане они увидели всадников.

Не успел Дундич спросить, из какой они части, как раздалось несколько выстрелов.

Ординарец пригнулся к гриве коня, а когда поднял голову, увидел, что Дундич безжизненно повис на стремянах.

Шпитальный бережно опустил комдива на землю. Левое плечо его шинели было тёмным от крови.

Ординарец приложил ухо к груди. Там глухо стучало сердце.

Значит, Дундич жив!

Иван начал расстёгивать ворот френча.

В левом кармане раздался лёгкий звон.

Шпитальный потянул цепочку и вытащил разбитые часы.

Ординарец знал, как дорожил этими часами его командир.

При каждом удобном случае, он говорил Ивану, что часы — подарок отца, они — единственная вещь, которая осталась у него в память о родной Сербии.

И вот теперь часы спасли Дундичу жизнь, но сами погибли.

Как быть?

Как только Дундич открыл глаза, Шпитальный передал его санитарам, а сам поскакал на привокзальную площадь.

Туда сводили всех пленных.

Спешился Иван и пошёл вдоль рядов испуганных кадетов.

Но среди пленных не было офицеров.

Он спросил одного бойца:

— Неужели все офицеры удрали?

— Нет, — ответил тот. — Им товарищ Будённый в вокзале допрос учиняет.

Вбежал Шпитальный в вокзал, а там золотопогонных офицеров набито, как селёдки в бочке.

Шпитальный к часовому.

— Тебе чего?

Шпитальный объяснил.

Но часовой предупредил его, что ограбление пленных — это мародёрство, а мародёров Будённый сурово наказывает.

Ординарец показал разбитые часы Дундича и рассказал, что задумал он принести своему командиру в лазарет такие же. Уж если не такие же, то хоть похожие. И непременно с серебряным звоном.

Тут подходит к ним Будённый.

— О чём разговор?

Иван молча показал разбитые часы.

Будённый сразу узнал их, и лицо его омрачилось. Понял, что с Дундичем случилась беда.

— Как же ты, Иван, не убежёг Дундича?

Ординарец всё рассказал комдиву.

Будённый поругал Ивана, что не сказал ему сразу о беде.

Подозвал Семён Михайлович своего ординарца и приказал ему:

— Обойди мастерские, всех часовщиков, но без часов не возвращайся. Пленных обыскивать не разрешаю. И не забудь разыскать хорошего гравёра.

После долгих поисков принесли Будённому часы, очень похожие на те, что были у Дундича.

Открыл комдив крышку часов, а в них будто серебряные колокольчики звенят.

Скуластое лицо Семёна Михайловича расплылось в довольной улыбке. Попросил он гравёра сделать на крышке часов точно такую же надпись, какая была и на часах Дундича.

А поздно ночью пришёл Шпитальный в лазарет.

Ординарец достал часы, положил их под подушку Дундичу и улыбнулся.

Шпитальный вспомнил наказ Будённого: «Спрячь, Иван, разбитые часы. Вернёшь их после победы. А пока пусть Дундич не знает о нашей тайне».

Но Дундич так и не узнал о тайне комдива.

Шпитальный видел раза два, как его командир, открывая крышку часов, очень внимательно рассматривал надпись и подозрительно щурил большие карие глаза.

А часы как ни в чём не бывало звенели своим серебряным звоном.

Летом 1919 года белогвардейские генералы Врангель и Улагай шли к Волге на Царицын.

ГЕНЕРАЛЬСКАЯ УХА

С тяжёлыми изнурительными боями отступала Красная Армия.

Конный корпус Будённого сдерживал натиск белых.

Ни днём, ни ночью не знали красные конники передышки.

Подходили к концу боеприпасы и продовольствие.

В походных лазаретах скопилось много больных и раненых.

Комкор вызвал Дундича и говорит:

— Надо разведать на ближайших станциях и хуторах, сколько у белых хлеба и фуража.

Для этой операции Дундич отобрал с десятков бойцов и незаметно провёл отряд к степной речке Аксай.

Только разведчики скрылись в камышах, ниже моста, как увидели скачущих белоказарков.

Доскакали они до берега, разделались наскоро и швырнули в реку две гранаты.

Раздались глухие взрывы, и возле камышей поднялись высокие столбы воды.

Бойцы подумали, что белые обнаружили их отряд, и подняли винтовки.

Но Дундич тихо сказал:

— Не стрелять! Видите, белки решили угостить нас ухой.

Он хитро подмигнул бойцам и показал на реку.

А в реке фыркали казаки, балагурили насчёт генеральской ухи, собирая в мешки оглушённую рыбу.

К берегу подкатили повозки и походная кухня.

Высыпали казаки рыбу в повозку, попросили у есаула по чарке самогона.

Есаул поглядел на улов и начал бранить казаков, что не поймали они ни одной стерлядки.

Дундич и бойцы заулыбались: придётся белым новый заход делать.

Что за генеральская уха без стерлядки?

Есаул приказал «рыбакам» ещё попытать счастья, а остальным велел расстелить брезент, разложить тарелки, ложки, поставить бутылки.

Бросили казаки ещё две гранаты и полезли в речку.

На этот раз попалась им парочка стерлядок.

Побросали они рыбу в повозку, начали одеваться, а отряд Дундича тут как тут.

— Руки вверх! — скомандовал Дундич.

Казаки опешили.

Есаул — за кобуру.

Не успел есаул выдернуть наган, как Дундич прыгнул на есаула и заломил ему руки за спину.

Есаула связали.

Он начал кричать, но ему заткнули рот кляпом и бросили в повозку.

Остальным было приказано собрать посуду, мешки с выловленной рыбой, положить всё на повозку и пешком двигаться за мост в лощину.

Пришли в лощину, где разведчики оставили своих лошадей, а Дундич и говорит повару:

— Ты даром время не теряй, заваривай уху-то.

Повар принялся выполнять приказ.

К обеду отряд Дундича возвратился к своим.

Все с аппетитом ели наваристую уху и благодарили Дундича и его бойцов.

Но Дундич сказал, что спасибо надо говорить не ему, а генералу Улагаю, которому ухи захотелось.

Пленных казаков допросили.

И так вышло, что Дундич с бойцами и задание командира корпуса выполнил, и всех бойцов ухой генеральской накормил.

ДУХОВОЙ ОРКЕСТР

В одном бою отряд Дундича разгромил белогвардейский штаб.

При штабе находилась команда музыкантов.

Увидели музыканты, как их начальники — офицеры удирают, и тоже не стали дожидаться, пока красные порубят их шашками.

Повскакивали они в сёдла и — в степь.

Думали музыканты, что погоня скоро отстанет. Но нет. Скачут версту, скачут вторую, а красные не прекращают погони. Смотрят — всадник в малиновом френче размахивает саблей, стреляет в воздух из нагана и велит остановиться.

Но музыканты знай скачут.

А чтобы легче лошадям было, побросали они свои трубы, барабаны и медные тарелки — литавры.

Красные следом едут да подбирают инструменты.

Загнали они музыкантов в лощину и предупредили: если те не остановятся — по ним откроют огонь.

Делать нечего. Капельмейстер взмахнул рукой, и команда остановилась.

Музыканты стали ждать своей участи.

— Ну, что приуныли? — спрашивает их Дундич. — Забирайте свою музыку и не бросайте никогда. Это ваше оружие, как для кавалеристов шашка и карабин. И пусть ваша музыка послужит теперь революции и Красной Армии.

— Не можем мы служить красным, — отказываются музыканты. — Красные попрятались все в Москве, за кремлёвской стеной. Но и оттуда их скоро прогонит генерал Деникин.

Смеётся от души Дундич.

Смеются его бойцы, слушая сказки про красных.

— Попрятались, говорите. А я кто, по-вашему, — спрашивает командир. — Красный или белый? А мои бойцы, а весь корпус Будённого?

— Да вы-то красные, — согласился капельмейстер.

— То-то, — сказал, улыбаясь, Дундич. — Это ваши генералы попрятались от Красной Армии. Мы же скоро всех прогоним, и будет одна власть — рабочих и крестьян.

Спросил Дундич у капельмейстера, что они могут сыграть.

Тот достал из полевой сумки толстую тетрадь, расчерченную нотами.

Много в ней было собрано разных походных маршей, строевых песен, вальсов.

— А «Интернационал» можете? — спросил Дундич.

— Какой такой «Интернационал»? — не понял капельмейстер.

— Гимн пролетариев всего мира. Это самая лучшая песня. Вот послушайте.

Дундич запел глуховатым баритоном:

«Вставай, проклятьем заклеймённый,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущённый
И в смертный бой вести готов.
Весь мир насилия мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем...»

Песню подхватили бойцы отряда, и капельмейстер, шевеля толстыми губами, что-то стал записывать в тетрадь.

Во время пения Дундич заметил, как подтянулись не только его бойцы, но и пленные.

— Сильная музыка, — согласился капельмейстер.

— Вот и разучите.

Разожгли костёр, чтоб было светлее, и музыканты долго репетировали новый для них гимн.

А в дивизии переполох: пропал отряд Дундича.

Приказывает Будённый: снарядить несколько групп и послать в степь на поиски: «Может, ведёт Дундич неравный бой и нуждается в помощи».

Поскакали всадники в разные концы степи.

Ищут час.

Ищут другой — нет Дундича.

Возвратились.

Доложили, что в одной балке встретили музыкантов-беляков.

— Где они играют? — спрашивает Будённый и отправляется сам.

Проехали всадники километра два по степи, видят: в лощине горит костёр, а около него музыканты-беляки сидят, играют. И что-то знакомое, волнующее играют музыканты.

Прислушался комкор, присмотрелся. Малиновые галифе мелькают. Дал шпоры коню. Подскакал к огню, осадил разгорячённого коня, прыгнул на землю:

— Ты что же это, несознательная твоя душа, — заругался Будённый. — Корпус беспокоится, ищет тебя по всей степи. А ты музыкой занимаешься?

А Дундич извиняется и говорит, что он хотел сюрприз преподнести всему корпусу: вернуться со своим оркестром, и чтоб непременно «Интернационал» играли.

Вот так появился в корпусе Будённого духовой оркестр из музыкантов-беляков со своим капельмейстером. И гремела медь этого оркестра под Царицыном и Воронежем, под Ростовом-на-Дону... всюду, где громила врагов конница Будённого.

«ГРОМ ПОБЕДЫ»

Глубокой ночью отряд будёновцев ворвался на станцию Суковнино. Его появление было таким неожиданным, что белые даже не успели проснуться. А начальник гарнизона, молодой штабс-капитан, накричал на неизвестно откуда появившегося командира, когда тот вежливо попытался разбудить его. Тогда Дундич крикнул: «Красные!»

Этот окрик сразу поднял офицера. Увидел он перед собой человека в папаше со звездой, задрожал и стал говорить, что сочувствует красным, давно хотел сдаться в плен, да не было удобного случая.

Выслушал его Дундич и велел одеваться да поспешить в аппаратную, к телеграфу.

В зале ожидания будёновцы обезоруживали сонных беляков.

Дундич приказал одному бойцу скакать в штаб армии и доложить Будённому, что станция в руках красных.

В аппаратной Дундич спросил у телеграфиста:

— Откуда телеграмма?

— Со станции Касторной, — едва слышно пролепетал телеграфист.

— Что там?

— Спрашивали, что у нас нового, а теперь волнуются: почему молчим?

— Отвечайте, господин штабс-капитан, — повернулся Дундич к офицеру. — Скажите, что красные напали неожиданно, вы отбиваетесь, но вам нужна срочная помощь. Пусть пришлют полк.

Штабс-капитан осмелел и начал медленно диктовать телеграфисту.

Через несколько минут с Касторной спросили:

— Кто у аппарата?

Начальник гарнизона назвал себя.

— А он кто? — спросил Дундич.

С далёкой Касторной, ответили: «С вами говорит начальник штаба полковник Архангельский. Ждите помощь. Их превосходительство высылает в ваше личное распоряжение бронепоезд «Гром победы».

— Сколько у нас времени? — спросил Дундич у штабс-капитана.

— Около часа.

Дундич попросил бойца Казакова пойти к товарищам и сказать, чтобы все нацепили погоны; а у кого нет, пусть возьмут у пленных. Сам Дундич надел шинель и папаху штабс-капитана.

Когда разведчики переоделись, на станцию приехал первый полк конной армии.

Семён Михайлович увидел Дундича в погонах штабс-капитана и сразу догадался, что этот отчаянный серб что-то задумал.

Дундич рассказал Будённому о плане захвата бронепоезда. Семён Михайлович, довольный находчивостью разведчика, похвалил:

— Молодец, товарищ Дундич. Только чин у тебя даже маленький. Белые ещё не захотят тебе подчиниться.

— Парадом будете командовать Вы, товарищ командарм.

— Так у меня нет генеральских погон, — смеётся Будённый.

— Да белые выполнят любой приказ красного командира, — уверенно высказался Дундич.

Запросили ещё раз Касторную о бронепоезде. Оттуда подтвердили, что помощь уже в пути.

Скоро из-за поворота показался бронепоезд. Сначала он шёл быстро,

но потом сбавил скорость и к станции подходил осторожно, будто опасаясь чего-то. Жерла пушек были повернуты в сторону вокзала.

Белых удивила тишина и порядок на станции. Никаких следов недавних сражений. На пустынном перроне стоят несколько солдат и штабс-капитан.

Бронепоезд тяжело вздохнул и остановился. В одном вагоне медленно открылась тяжёлая дверь. На перрон прыгнул капитан. Он небрежно козырнул молодому штабс-капитану и спросил:

— Где красные? Что подняли панику? Что делать моей команде? Дундич убрал руку от папахи, неторопливо доложил:

— Атака красных отбита. Команде построиться на перроне.

— А что дальше? — нетерпеливо спросил приехавший.

— Не могу знать. Все дальнейшие приказания вы получите от командующего.

— Он здесь? — удивился капитан.

— Так точно. В вокзале.

Капитан подошёл к вагону и крикнул:

— Все на перрон!

С грохотом открывались железные двери. Солдаты выскакивали из вагонов. Строились. Дундич скомандовал:

— Направо! Шагом марш!

И только когда капитан вошёл в здание вокзала и увидел Будёного, он понял, в какую ловушку попал. Однако было поздно. Под дулами винтовок и наганов конармейцев команда бронепоезда дружно сложила оружие.

Бронепоезд «Гром победы», подаренный белым генералом лично Дундичу, как шутили будёновцы, долго ещё служил верой и правдой Первой конной. И у красных он действительно был громом победы.

Шла весна 1920 года.

УРА МИТЬКЕ!

От частых дождей размыло степные дороги.

Красным войскам было очень трудно продвигаться вперёд.

В один из таких дней Семён Михайлович Будённый приказал командиру особого отряда Дундичу отправиться в разведку и из каждого пункта присылать нарочного с донесением.

В отряде было тридцать бойцов. Все смекалистые. Кони у них быстроногие.

Выехал отряд из села, подошёл к лесу.

Дундич говорит двум разведчикам:

— Проверьте, друзья, нет ли в лесу кого?

Он не сказал: «Нет ли белых?»

В ту пору по лесам и степям скрывались не только разбитые белогвардейцы, но и банды «зелёных», и петлюровцев, и «жёлтых», и махновцев.

Скоро разведчики вернулись и доложили, что в лесу тихо, спокойно.

Проехали с километр, наткнулись на небольшой хуторок.

Проверили — ничего опасного.

Дундич приказал связному скакать к Будённому и доложить, что армия может двигаться вперёд.

Другого бойца он оставил в хуторе готовить квартиры.

Вечером отряд разведчиков добрался ещё до одного хуторка.

Дундич послал и отсюда бойца с пакетом в штаб армии, а сам решил двигаться дальше.

Выехал красный командир за ворота, а хуторские ребятишки тут как тут.

Смотрят с удивлением на его кумачовый бант, на котором сверкает боевой орден.

Восхищаются его лошадью, сбруей, саблей в чёрных ножнах с серебряной чеканкой.

Посмотрел Дундич на них — и его усталое, худое лицо просветлело.

Очень уж любил он детей и при случае непременно катал их на своём коне.

Дундич наклонился к одному, хотел было посадить его к себе в седло.

Ребята вдруг все разом загалдели:

— Не сажайте его, дядя!

— Почему? — удивился боевой командир.

— Он с махновцами на тачанке ездил, — объяснил ему карапуз в больших чоботах.

— Тогда ты садись, — весело скомандовал Дундич, беря его за протянутую руку.

Счастливый и гордый, уселся впереди него клопец.

Отъехали они недалеко от двора, Дундич спрашивает:

— Тебя как звать?

— Митькой.

— А давно у вас махновцы были?

— Не... Когда бабку Лукерью хоронили. И сегодня хотели приехать, велели самогона гнать, гусей жарить... Злющие они, страсть! А самый вредный — Петька Чернобровый, с перевязанным глазом. Он так меня нагайкой огрел и ещё обещал выпороть.

— Не бойся, не придут они, — сказал Дундич, гладя мальчика по голове. — Прогоним мы их. А теперь, другарь, — домой.

Но мальчик не хотел слезать с коня.

— И я с вами, — умолял он Дундича.

— Нет, нет, — решительно сказал командир. — Слушай мой приказ: «Марш домой!»

И он опустил хлопца на землю.

Было уже совсем темно, когда будёновцы выехали на большой степной шлях.

За день лошади устали, да и бойцы утомились.

Ехали осторожно, медленно: мешала липкая дорожная грязь.

Никто ни о чём не говорил, не курил.

Неожиданно впереди огоньки засветились: вроде кто-то прикуривает.

Только Дундич успел

расстегнуть кобуру и достать наган, как совсем рядом услышал голос:

— Кто такие?

В тот же момент Дундич увидел перед собой дуло пистолета и лицо с белой повязкой. «Махновцы!» — молнией сверкнуло в голове командира.

Нет не уйти от них на измученных конях его маленькому отряду!

И в то же мгновение возник смелый план.

— Убери пушку, Чернобровый, — властно потребовал Дундич. — Своих, Петька, не угадываешь. — Дундич вспомнил рассказ Митьки о махновцах.

Одноглазый опустил руку.

Дундич выстрелил в него и крикнул:

— Полк, огонь!

Тотчас справа и слева раздались ружейные выстрелы.

— Засада! — закричали бандиты. — Тикайте, хлопцы!

Повернули махновцы коней и пустились наутёк.

Под одним красные убили лошадь. Тот вскочил и поднял руки.

Когда бандиты были далеко от хутора, Дундич спросил пленного:

— Это была ваша разведка?

— Ни. Всё войско.

— А сколько сабель?

— Да пятьсот с гаком.

Дундич посмотрел на будёновцев и засмеялся:

— Пацан — молодец! Помог в трудную минуту.

Лихо сверкнули карие глаза Дундича.

— Ура Митьке, юному будёновцу!

И бойцы негромко, но дружно крикнули:

— Ура Митьке!

Красная конница взяла Ровно и двинулась на Луцк.

Белополяки отчаянно сопротивлялись. Деревни и хутора они превратили в крепости.

Такой крепостью на пути будёновцев стало село Александрия.

Стали думать в штабе армии, как перехитрить врагов и с меньшими потерями занять село.

Зашёл в штаб Дундич и говорит:

— Я придумал. Мы с хлопцами переоденемся польскими уланами, подъедем незаметно к часовым, перебьём их и дадим сигнал.

Но Семён Михайлович Будённый не разрешил Дундичу рисковать и попросил его:

— Получены сведения: к врагу идёт большое подкрепление. Надо проверить донесение.

Отряд Дундича выехал из города и лесными тропами, зелёными балками добрался до Шпановских высот, на которых громоздились остатки форта — стен и башен старинной крепости.

«Остановимся тут», — решил Дундич и направил своего коня к форту.

От форта было видно на много вёрст кругом. Слева протекала неширокая голубая Горынь, справа, за поспевающим житом, бугрился лес, а прямо перед фортом на насыпи тянулась железная дорога.

Не успел Дундич осмотреться, как возле железнодорожного полотна загремели выстрелы. Он поднёс к глазам бинокль. Из прилеска к насыпи бежали, отстреливаясь, красноармейцы...

Дундич приказал разведчикам залечь и огнём прикрыть отступающих.

— Гляди, Дундич! — крикнул Шпитальный, показывая на край поля. — Там, над хлебами, поднялись густые цепи белополяков.

— Дундич! Пилсудчики за рекой! — крикнули бойцы с противоположной стены крепости.

«Обходят с трёх сторон, — оценил обстановку командир, — не меньше дивизии. Надо предупредить Будённого».

Он приказал связному:

— Аллур три креста и — в штаб. Поднимай наших!

Не успел гонец спуститься с высоты, а Дундич уже кричал ординарцу:

— Лети к хлопцам. Скажи, чтоб отходили до крепости.

Шпитальный, как шар, скатился со склона и исчез во ржи. Через несколько минут он появился на железнодорожной насыпи, передал приказ Дундича. Бойцы начали отходить к форту.

Обстреливая крепость, белополяки всё ближе и ближе подходили к кургану.

В это время связной, не доезжая до Ровно, встретил Будённого. За ним шли колонны конников.

— Товарищ командарм, — доложил боец, — белополяки обходят наших со всех сторон.

— Много их?

— Целая армия! Дундич там отбивается.

— Дундич? — встревожился командарм. — Я же ему велел лишь проверить. Вот что, хлопец, — приказал он связному, — гони своего белогривого и передай Дундичу, чтобы он отходил к Ровно. Мы его прикроем.

Уже около часа отстреливалась горсточка красноармейцев. Дундич беспокойно оглядывался на лес, откуда должна была прийти помощь.

Уже второй час идёт неравный бой. Всё реже отвечают врагу будёновцы: немного их осталось, да и патроны на исходе.

Когда поляки заняли соседнюю высоту и оттуда застрочил пулемёт, Дундич принял решение: «Поднять отряд, врубиться во вражеские цепи и выйти из окружения».

— Идём на прорыв! — передавали бойцы друг другу приказ командира.

А Дундич повернулся к лошадям и свистнул:

— По коням!

Легко поднимаясь в седло, он перекинул наган в правую руку, а в левую взял саблю.

Поляки увидели выехавших из форта и, думая, что те решили сдаться, прекратили огонь.

Этой паузой и решил воспользоваться Дундич. Он пришпорил коня, и златогривый сильным броском вынес его к стене хлебов.

— За мной! — звенел в тишине голос командира. В красном френче, малиновых галифе на гнедом дончаке Дундич казался огненной птицей, неудержимо несущейся на врага.

Над полем, над волнистыми хлебами неумолимо гремело и перекачивалось ликующее «ура!». Дундичу казалось, что враг не выдержит натиска. Когда до поляков оставалось не больше полсотни метров, Дундич высоко поднял сверкающую саблю, призывая бойцов сделать последний рывок.

В это время из форта раздалась короткая пулемётная очередь. Поднятая вверх сабля полетела в рожь. Дундич неестественно выпрямился и, резко откинув голову, упал с коня.

Но заражённые его отвагой и храбростью, бойцы прорвали кольцо окружения и устремились на соединение со своими, показавшимися из-за леса. Только здесь они увидели, что Дундича среди них нет.

Иван Шпитальный, растирая по щекам крупные слёзы, просил командарма:

— Дозвольте пойти туда. Разыщу Дундича, привезу его.

— Там же поляки, — отговаривал его Будённый.

— А я переоденусь уланом.

— Ну, где ты его отыщешь в темноте. Потерпи до утра.

Едва забрезжил рассвет, Шпитальный в форме польского улана поехал к Шпановским высотам. Польские солдаты не обращали внимания на всадника. Вот и то место, где упал Дундич. Иван глянул вниз.

Среди вытоптанных колосьев лежал его любимый командир. Левую руку он прижал к груди, а правую вытянул вперёд, словно искал оброненную пашку. Ординарец быстро наклонился, ухватился за ремень, собрал все силы, рывком поднял Дундича и положил через седло. Ударив коня шпорами, погнал его галопом к своим. Поляки что-то кричали ему вслед, махали руками, стреляли, но Шпитальный припал к гриве и гнал лошадь вперёд.

Душным июльским вечером армия прощалась со своим любимцем.

Мимо застывших конармейцев медленно шла легковая машина с гробом.

Гроб и машина утопали в зелёных венках, чёрных и красных лентах. На кумаче золотом горели слова:

«Отважному борцу за рабоче-крестьянское дело»,

«Бесстрашному воину»,

«Красному Дундичу на вечную братскую память...»

Дундича похоронили в парке, недалеко от того места, где вражеская пуля оборвала его короткую, но славную жизнь, отданную за Революцию.

Larisa_F

